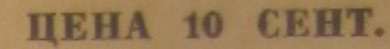

№ 33-34

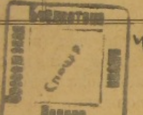

ЦЕНА 10 СЕНТ.

ОРГАН
РУССКИХ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ

№ 33-34 | «DIELO TROUDA» Journal Mensuel | Февраль-Март 1928

Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу :
M. Ferandel, 14, rue du Repos, Paris (20e)

Каторга на службе у ГПУ?

Речь идет не о заключенных на современную большевистскую каторгу и не об их отношениях к ГПУ. Нет, речь о дореволюционной политической каторге царских лет, на которой томились десятки тысяч борцов пролетариата за идею революции и свободы. От имени этих десятков тысяч высказано полное оправдание палаческой деятельности ГПУ в отношении анархистов и революционных рабочих, борющихся за осуществление идей, провозглашенных октябрской революцией. Чудовищно, но это факт. В N 7 за 1927 г. журнала «Каторга и ссылка» напечатан документ Московского общества бывших политкаторжан и ссыльно поселенцев, в котором прямо и косвенно оправдывается террористическая деятельность большевиков в отношении левых революционных течений и в частности в отношении анархистов.

История этого документа такова. В июне прошлого года орган французских анархистов «Le Libertaire» предпринял анкету среди ряда лиц, примыкающих к большевизму или симпатизирующих ему, о допустимости и целесообразности террора в отношении анархистов и других революционных течений в России. Ответы некоторых лиц на анкету печатались в Le Libertaire и два из этих ответов — французского писателя Ромэн-Роллана и члена французской компартии Жиро — были воспроизведены в N25 Дела Труда. Из этих ответов видно было, в сколь различное и затруднительное положение поставила анкета ряд лиц. Так коммунист Э. Жиро попросту отрицал, что ГПУ судит кого бы то ни было в административном порядке. Для него это казалось абсурдом, злостной клеветой на русскую компартию. Ромэн Роллан склонен был видеть в антианархическом и антиреволюционном терроре большевиков факт и осуждал его, как злоупотребление грубой силой.

Московское общество бывших политкаторжан и ссыльных тоже «сочло своим долгом дать на анкету гласный ответ».

Увы! Ответ этот не пошел дальше формальной отписки, на какую только и способно само ГПУ.

На вопрос анкеты: «Известно ли вам, что в России тайная полиция (ГПУ) имеет право судить административно, т. е. без защитников, без свидетелей, не публикуя ни обвинения, ни приговора — анархистов, революционных рабочих, борющихся за заветы октябрской революции»? — на этот вопрос общество политкаторжан отвечает: «Неверно, что суду ГПУ подвергаются анархисты и революционные рабочие, борющиеся за осуществление идей провозглашенных октябрьской революцией. Таких рабочих революционеров в природе советского государства не существует, тогда как наоборот, сотни бывших анархистов и членов других социалистических организаций, вместе с сотнями тысяч передовых рабочих страны работают в коммунистической партии и борются за осуществление идей, провозглашенных октябрской революцией. ГПУ же судит злейших врагов первого в мире пролетарского государства, врагов рабочих и крестьян, судит тех, кто замышляет заговоры, готовит убийства руководителей СССР, кто стремится к восстановлению буржуазно-помещичьей царской власти, хотя бы они и прикрывались иногда революционными, социалистическими или анархическими лозунгами».

Не надо быть особенно искушенным в политике, чтобы в этой тираде узнать людей, не только причастных к по-

зитике большевистской власти, но, очевидно, и несущих за нее прямую ответственность.

Прежде всего, из нее так и прет обычная большевистская уловка: советское государство преследует, мол, только контр-революционеров, злейших врагов рабочих и крестьян. Анархисты же и вообще революционеры, борющиеся за осуществление идеалов социальной революции, работают совместно с большевиками в компартии.

Но так как не малое количество лиц бывших в рядах революционного анархизма, все же погибло в подвалах чека и ГПУ, так как тени этих погибших и стоны продолжающих гибнуть анархистов наполняют СССР, проходя через пограничные заграждения большевистского государства, так как, наконец, сама анкета парижских анархистов появилось в силу непрекращающегося террора «советской» власти в отношении анархистов, — то не сказать ничего по этому поводу оказалось невозможным. И вот общество политкаторжан «говорит»: если, мол, под суровую руку чека попадались и попадаются анархисты, то лишь такие, которые под прикрытием анархических лозунгов «стремились к восстановлению буржуазно-помещичьей царской власти».

И в этой фразе легко узнать постоянного спутника и главную опору большевистской диктатуры — Чеку. Формула, что анархисты, борющиеся с диктатурой большевиков, борются тем самым за восстановление царско-помещичьей власти, является шедевром специфически чекистского творчества. В такой именно формулировке большевики давали об.яснение всякий раз, когда убивали анархистов или ссылали их на каторгу.

На этой фразе нет смысла останавливаться, когда ее произносит оффициальный орган большевистской диктатуры. Но в данном случае фраза эта выдвинута обществом бывших полит каторжан. И невольно возникает вопрос, какую роль выполняет это общество в нынешнем строе партийной диктатуры? Но вначале мы покажеем, сколь ложен ответ этого общества на анкету французских анархистов.

Обществу политкаторжан или во всяком случае отдельным его членам не может быть неизвестным положение русской революции летом и в начале осени 1917 г. Стихийно развивавшееся социально-революционное движение рабочих и крестьян встречало организованное противодействие со стороны всех политических партий, — и буржуазных и «социалистических» Единственными законченными идеологическими выразителями социальных лозунгов масс были тогда только анархисты. Достаточно просмотреть периодическую и общую литературу того времени всех политических течений, чтобы убедиться в этом. И это естественно, ибо само зарождение и развитие анархизма находилось в органической связи с зарождением идей социальной революции трудящихся. Большевистская партия переживала тогда свой переходный период. Она гналась за событиями, но в то же время не решалась полностью встать на их сторону. Для последнего она не имела ни исторических, ни идеологических предпосылок. Поэтому лозунги ее того времени — борьба за *общенациональное* Учредительное собрание, за рабочий контроль над производством, находящимся в руках капиталистов, и другое — носили смешанный двойственный характер. От буржуазной демократии она как бы отстала, но к социальной революции не вполне пристала. Это также отражено в периодической и общей литературе большевиков того времени.

Социально-революционный поток масс тем временем подымался все выше и привел, наконец, к октябрским событиям 1917 г. Как и до этого, анархисты всюду шли в первых рядах этого потока, провозглашая идею экономического и социального равенства и независимости трудящихся. Большевики же *на почве этих событий* захватили власть и стали государственной машиной направлять дальнейший ход событий. Однако, это еще не означало и не означает полного перехода их на сторону соц. революции. Далеко нет. Самый факт учреждения ими в революционной стране нэповского капитализма и постоянные дискуссии в партии по вопросу о том, куда партия идет (вернее, куда партия должна итти) — к капитализму или к социализму? — показывают, сколь непрочно стояли и стоят большевики в вопросе социальной революции. Но неоспорим тот факт, что анархисты являлись и являются наиболее яркими и законченными выразителями идей социальной революции. Пусть в процессе этой революции они не имели своей общепартийной политической организации, которая бы выявила единую программу анархистов в борьбе за идеалы соц. революции (это вопрос *внутренних*, притом организационных проблем анархизма): в деле служения общим и частным задачам соц. революции они всегда оставались последовательны и верны, всегда отдавали свои свободу и жизнь за осуществление идей.

Если анархисты вступили в резкую оппозицию к власти и ко всей политике партии большевиков, то исключительно за изменническое отношение этой партии к идеям и заветам социальной революции. Большевики продолжают говорить о своей преданности социализму и соц. революции, о том, что они осуществляют диктатуру пролетариата, но ведь с их стороны это только слова. Их диктатура, особенно после прекращения гражданской войны, давит в первую очередь пролетариат. На деле они держат рабочий класс прикованным к каторжной тачке наемного труда и строят свою «социалистическую» государственность и «социалистическую» общественность исключительно на порабощении рабочих классов. Было бы глубоко печально и безнадежно для судеб трудящихся, если бы в их среде не обнаружился голос протеста против этого нового возводимого рабства и не раздался призыв к борьбе с ним. Протесты революционного анархизма против групповой диктатуры большевиков и являются протестом порабощенных масс во имя социальной революции, которой отдана жизнь всех анархистов. И именно этими анархистами наполнены большевистские тюрьмы,

концлагеря и места ссылки. Других анархистов нет. Смертельно боясь развиваемой анархистами идеи свободы масс, идеи их общественного и хозяйственного самоуправления, большевики фактически поставили вне закона самую идею анархизма(хотя оффициально они такого постановления не делали пока). Мы знаем неоднократные случаи, когда наших товарищей арестовывали и осуждали на те или иные сроки тюремного заключения только за то, что они посещали музей имени П. А. Кропоткина в Москве. Само собой разумеется, что обвинение в таких случаях анархистам пред'являли не за посещение музея им. Кропоткина (музей этот существует с разрешения соввласти), а за что-либо иное, вымышленное. По большей части за принадлежность к несуществующему тайному, якобы, обществу анархистов.

Как же можно, хотя бы в качестве обмолвки выразиться об анархистах, борющихся с большевистской диктатурой — якобы, ради восстановления царско-помещичьей власти? Заплечных дел мастерам из ВКП подобные выражения необходимы, дабы заболотить вопрос о большевистских гонениях на анархизм и анархистов. Но к лицу ли они обществу бывших политкаторжан?

Революционный анархизм принес огромные жертвы в борьбе за соц. революцию. Достаточно бегло заглянуть в отчеты военно-полевой юстиции 1906-7 г. г., чтобы сразу же натолкнуться на бесконечный список анархических имен.

Свои виселицы Столыпин большей частью украшал телами анархистов. Многих, очень многих анархистов взяла в свои стены и царская каторга. Многие из них так и не вернулись оттуда. Те же, кто дотянул до марта 1917 г., по освобождении немедленно встали в ряды бойцов соц. революции.

Теперь целое общество наших соратников по прошлому, по каторге публикует документ, который без внутреннего страдания и вместе с тем без негодования нельзя читать. Мы были на каторге, оставили там большую часть своих лучших лет и мы знаем, что такое наша каторга, за что она боролась и страдала. В наиболее худшие и тяжелые годы своего существования каторга сохраняла свое революционное достоинство, она не унижалась перед врагом, терпеливо и мужественно несла свой крест, ожидая спасения лишь с одной стороны, — со стороны революционных масс, находившихся по ту сторону тюрьмы. И в то же время, в своей среде каторга не терпела духовного пресмыкательства. Она широко пользовалась свободой мысли, которую ценила в каждом из своих членов и которую она заслужила своей смелостью, своей борьбой и страданиями. И эта независимость и свобода мысли были ее гордостью.

Тем с большим недоумением, читаешь теперь документ московского общества бывших политкаторжан. В этом обществе находится Вера Фигнер, Петр Сажин и ряд других ветеранов русского революционного движения. Трудно допустить мысль, чтобы они, да и всякий иной политкаторжанин, мало мальски знакомый с историей революционного движения в России, были солидарны с содержанием и тоном этого документа. Или документ принят потому, что этого хотело и требовало ГПУ? С этим предположением еще менее может мириться наша мысль. Неужели целая плеяда героических борцов русской революции, десятилетиями мучившаяся в царских застенках, для того вышла на волю, чтобы холопствовать перед новым насильником пролетарской совести — перед большевистской чекой? Стоило ли ради этого жертвовать молодыми годами, обрекать себя страданиям заточения на царской каторге?

Русские анархисты вправе ждать от членов московского общества бывших политкаторжан подробного об'яснения их необычайного поступка. Мы уверены, что не все члены общества солидарны с документом и ответственны за него. Если это на самом деле так, то тем более, во имя славного прошлого каторги и великой будущности соц. революции, необходимы об'яснения лиц, не солидарных с документом, но пока что несущих за него ответственность.

П. АРШИНОВ

Общему собранию об-ва бывш. полит-каторжан и ссыльно-поселенцев *)

Бывшие политкаторжане и ссыльно-поселенцы, принадлежащие к разным партиям, группировкам и направлениям, об'единились в одно неразрывно целое общество, воодушевленное и спаянное, единой общей целью, единой идеей создать и понести миру от края до края подлинную историю кровавого прошлого и героической борьбы с ним, — дать ту огненно правдивую историю революционного движения прошлого, какую еще не ведал мир и на какую правомочны только прямые носители его, отдавшие этому движению молодость, свободу, всегда готовые понести и жизнь.

Вот фундамент, основание и цель, об,единившая в одно целое разномыслящих, разнопартийных членов общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев.

Основной принцип общества, по самой сущности своей, по заданиям и по составу — строгая аполитич-

*) *Настоящее заявление т.т. Ольги Таратуты и Анастасии Галаевой было сделано в 1924 г. Ввиду того, что оно было почти неизвестно политическому миру редакция Дело Труда сочла нужным напечатать его теперь вновь.*

ность. Мы об'единились для воссоздания *прошлого*. Как мыслит себе каждый в отдельности член общества *настоящее*, приемлет он его или не приемлет, это его личное дело и дело лично с ним за стеной общества господствующей власти в лице его исполнительных органов; *за стеной общества — отнюдь не в стенах его.*

Всякая попытка вводить в общество политический элемент сегоднешнего дня, с чьей бы стороны она не делалась, должна была изгоняться беспощадно, ибо этим нарушается принцип аполитичности, нарушается солидарность общества и дезорганизуется работа, которой — место свято.

На таких и только на таких началах основывалось общество, и только при таких условиях существование общества могло сохранить свою об'ективно-историческую ценность.

На практике оказалось, что члены господствующей ныне партии коммунистов-большевиков, входящие частью в общество, думают об об'ективной ценности истории иначе.

В погоне за средствами для укрепления своего господства в настоящее время они забыли о цели будущего.

Чувствуя себя господами положения, они явочным порядком провели свою политику в стены аполитичного общества. Систематически, постепенно насильственным путем они превратили общество в отделение Р. К. П., морально насилуя этим членов общества инакомыслящих.

Я отказываюсь состоять членом общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев, которое по воле власть имущих, превратилось в отделение Р. К. П.

Я отказываюсь состоять членом общества, в стенах которого вербуются и рекомендуются члены Р. К. П.

Я отказываюсь состоять членом общества, которое, игнорируя инакомыслящих членов своих, морально их насилуя, шлет приветственные телеграммы Третьему Интернационалу.

Я отказываюсь быть в обществе, от членов которого требуют всем составом войти в Мопр.

Я отказываюсь состоять членом общества, которое исключает из своей среды бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев, осужденных за политические убеждения существующей властью и горячо протестую против этого параграфа в уставе.

Я отказываюсь состоять членом общества, которое разделилось на господ и рабов — первые декретивным насильственным путем проводят свои политические, чуждые обществу цели, вторые по мотивам, во всяком случае не революционным, глухо ропща, подчиняются им.

Позор насилующим и насилуемым!

Членам общества коммунистам хочу еще раз напомнить, что в погоне за средствам утверждения себя сегодня они забыли о завтрашнем дне.

История делается не только ими, хоть они и пытаются узурпировать ее, и не кончается история на них, хоть и гарцуют они на коне победителями.

Далекой, но яркой звездой, то тускнея за тучами, то вновь появляясь, великая революция грядет к нам и победная придет.

Воскреснет вновь задохшаяся в тисках партийности, идея об обществе политкаторжан и ссыльно-поселенцев в первоначальеной своей красе и шири.

Вновь зазвенит живой мощный голос подлинной истории революционного движения в прошлом. К страницам прошлого история отнесет и наши дни. Отмечено историей будет и возникновение и духовная смерть нашего общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев.

Печатью каинов будут отмечены коммунисты, члены общества, каинов-убийц моральных, лучших товарищей своих по оружию в борьбе с врагами революции вчера и в борьбе за грядущее завтра...

Бывшая политкаторжанка анархистка
ОЛЬГА ТАРАТУТА.

Целиком присоединяюсь к заявлению т. Таратуты выхожу из общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев и прошу исключить меня из списка получающих пенсию.

АНАСТАСИЯ СТЕПАНОВА
(Галаева)

К 7-ой годовщине Кронштадта

Два года назад, к 5-ой годовщине разгрома Кронштадта, нам пришлось отмечать на стр. Д. Тр. значение Кронштадтского восстания, как последнего отзвука Октября.

К каждой последующей годовщине значение Кронштадтского взрыва вырисовывается все яснее, все рельефнее становится политическая мудрость безыменных кронштадтских революционеров.

Из тех, кто руководил подавлением Кронштадта, из вождей и из рядовых, не один теперь коротает свое время в Сибирской тайге и в Закаспийских степях.

Может теперь, вдали от столичного шума им дано будет вспомнить тех, кто пал жертвой их так обильно сыпавшихся снарядов (см. в «Правде» описание Дыбенко взятия Кронштадта), тех, кто действительно стоял на позициях Октября.

Теперь, еще раз присматриваясь к резолюциям, вынесенным 1 матра 1921 г. на общем собрании 1 и 2 эскадры балтфлота, — приходится только удивляться их революционной выдержанности. Положительно нет ни одного пункта, под которым мы, да и весь рабочий класс СССР, не подписался бы сейчас. Здесь затронуты

все те наиболее важные вопросы, которые уже тогда были самыми наболевшими для трудовой России.

Тут и требование свободы слова, печати, собрания и организации *для рабочих и крестьян* (трудовых крестьян, а не кулаков, которых к тому время и в помине уже и еще не было. Это только после победы над революционным Кронштадтом Бухарины получили возможность распоясаться и кричать кулакам «обогащайтесь!»).

Тут и требования перевыборов в советы, *закрытым* голосованием. Мы знаем, что по сию пору русский рабочий класс фактически не может распоряжаться свои избирательным правом по причине существующего в СССР открытого голосования, позволяющего ГПУ беспрепятственно «наблюдать» избирателя. Открытое голосование теперь страшное оружие в руках правящих элементов, которые могут таким путем оказывать экономическое и административное воздействие на русского рабочего.

Кронштадт уже тогда это понял и требовал *закрытого* голосования.

Кронштадт требовал освобождения политических заключенных, как членов социалистических партий, (глав. обр. левых), так и беспартийных рабочих, крестьян, солдат и матросов, арестованных в связи с участием их в революционном движении.

Теперь когда в тюрьмах и ссылках СССР находятся кроме тех, кто уже преследовался к 1921 г., еще и тысячи коммунистов-оппозиционеров и беспартийных революционеров рабочих — теперь этот лозунг находит самый горячий отзвук как во всей трудовой России, так и в наиболее сознательной части западного пролетариата.

Далее Кронштадт требовал уничтожения привилегий для компартии и прекращения субсидирования ее из государственных средств.

Это последнее требование оказалось особенно политически дальновидным: действительно, бесконтрольно пользуясь трудовыми средствами, компартия (а главным образом верхи ее) могли только усугубить свою диктаторскую роль над пролетариатом и тем разбить его революционную мощь. Кроме того, русская казна, составленная из прибавочной стоимости русского рабочего, помогла подкупить и развратить разных «вождей» и «друзей» вне России. Эта проблема теперь остро стоит во всех странах, где Коминтерн распространяет свое влияние и путем коррупции впитывает в свои ряды разных политических проходимцев и ставит под угрозу общее благополучие революционного движения во всем мире.

Ссыльные вожди ВКП обратились с последней надеждой через голову ВКП к Коминтерну. Призыв этот по всей вероятности будет тщетный, ибо Коминтерн, субсидируемой русской казной безмолвен и безжалостен.

Остается последний лозунг Кронштадта, который большевики подхватили и на нем строили обвинение Кронштадта в контр-революции. Это было требование уничтожения заградительных отрядов и свободы хозяйствования для крестьян, не пользующихся наемным трудом.

Но ведь политика заградительных отрядов была признана ошибочной и вредной немного позже и самими большевиками. Большинство ВКП теперь в борьбе с оппозицией упрекало последнюю в том, что она толкает СССР к военному коммунизму и к заградительным отрядам.Заградительные отряды *сейчас безусловно осуждаются*, почему же кронштадские матросы должны были за этот лозунг заплатить своей жизнью?

А требование свободы хозяйствования для трудового, не пользующегося наемным трудом крестьянства — кто теперь поверит обвинению в контр-революционности этого лозунга, да еще, когда это обвинение исходит из уст большевиков, после того, как по соображениям финансово-экономическим, да и политическим, сами большевики максимально помогли расслоению деревни!

За что заплатил своей кровью Кронштадт?! За то, что сделал последнее усилие выправить революционный фронт, за то, что, предвидя контр-революционный маршрут большевистской диктатуры, он, всегда готовый на прямое революционное действие, хотел остатками сил повернуть колесо истории *обратно*, *налево*, *к Октябрю*.

Кронштадт пал, за ним через 7 лет пали многие из его усмирителей, которые спохватились, но... слишком поздно.

Но русский пролетариат еще таит в себе революционную энергию и еще безусловно *сам* попытается повернуть *назад* к Октябрю.

Кронштадт всегда будет служить ему революционным примером.

И. МЕТТ.

О „Командных высотах" большевиков

В жизни советской фабрики фигура «хозяйчика» все более выдвигается на первый план. Сведения о том, что правление фабрики заметно наглеет и все бесцеремоннее обращается с рабочими, все чаще появляются в печати. Об этом также недавно сообщал из Москвы корреспондент «Соц. Вестника» в связи с производственными конференциями. «Хозяйственник» с трибуны укоряет рабочих в прогулах, в недостаточной интенсивности труда и т. д. Словом, хозяйчик себя начинает вести настоящим хозяином.

Вопрос о том, что делается на советской фабрики, заслуживает самого тщательного изучения. Введя нэп, введя капиталистические отношения и свободный рынок в деревню и в мелкую и среднюю промышленность,

большевики, однако, с гордостью заявляли, что оставляют за собой «командные высоты», т. е. крупную промышленность, которая и станет «оплотом социализма».

Присматриваясь же к устройству этого «оплота социализма», мы наталкиваемся только на капиталистическое хозяйство, отличающегося от других капиталистических хозяйств тем, что хозяином его является государство. Можно было бы еще сомневаться в природе советской промышленности, если бы существовала строгая плановость и если бы эта промышленность ставила своей первой задачей *удовлетворение нужд потребителей*, и таким образом безпорядочному хозяйничанью отдельных капиталистов, цель которых нажива, противоставляла бы социалистические принципы. Однако, в законе о трестах, задачи последних определяются совершенно ясно : тресты (т. е. одна или несколько сообща работающих фабрик) должны работать *на началах коммерческого рассчета, в целях извлечения прибыли*.

Итак, «боевая задача социалистического сектора» промышленности такая же, как и всякого капиталиста: нажива. Даже торговые отношения между двумя государственными предприятиями, двумя «оплотами социализма» регламентируются в капиталистическом духе. Продающий трест должен назначить цены, содержащие себестоимость плюс *средняя прибыль*. Отсутствие плановости же подтверждается тем фактом, что трест является тем фактом, что трест является по советскому закону отдельным «юридическим лицом», т.е. имеет право без какого либо разрешения высших планирующих и контрольных органов, как СТО и ВСНХ продавать товары и покупать сырье, заключать всевозможные сделки — словом имеет полную хозяйственную свободу.

В такой государственной промышленности, живущей ради наживы, капиталистический дух должен был неминуемо отразиться и на внутренней организации этих «командных высот» большевиков. И действительно: организация треста ничем не отличается от организации акционерного общества. Только в последнем капитал вкладывается отдельными акционерами-капиталистами, а в трест его вносит государство. Затем, как известно, во главе акционерного общества стоит правление, состоящее из директоров, *получающих тантьему* (т. е. процентное отчисление от прибыли) и таким образом *заинтересованных материально* в выручке наибольших прибылей за проданные фабрикаты. Такое же правление, состоящее из «красных директоров» и спецов управляет трестами. Прибыль, получаемая на «социалистических» предприятиях, распределяется согласно советской инструкции следующим образом: часть идет государству (в буржуазных предприятиях эта часть идет акционерам, вложившим в дело свой капитал) и часть на увеличение основного капитала; дальше идут : *тантьемы правлению* и, наконец, наградные служащим и рабочим. Словом и распределение точно такое же, как в капиталистических акционерных обществах.

Таким образом, как и в акционерном обществе, хозяйчики советских фабрик, «красные директора » и спецы *материально заинтересованы* в возможно большем выколачивании труда из рабочих, в возможно меньшей заработной плате для рабочих — ибо все это, понижая стоимость товара,увеличивает прибыль и вместе с тем и их тантьему. И так как, благодаря отсутствию конкуренции, прибыль эта достигает иногда 100% и больше, то и «хозяйчики» все больше и больше обогащаются. Создается новый класс, класс нэпманов-трестовиков, новых буржуев, называемых «красными директорами» с партийным билетом в кармане и работающих рука об руку со спецами, этими уцелевшими осколками старой буржуазии. Амальгама, которая получается от этого смешения бывших и большевистских капиталистов в один класс, обещает стать буржуазией более хищной и более жестокой в борьбе с рабочим классом, чем были дореволюционные капиталисты.

И вот эти то «хозяйчики» сейчас поднимают голову. Ободренные разгромом октябрьских завоеваний пролетариата, учиненном интелигентской партией ВКП, они почуяли, что наступает праздничек на их улице. Оппозиция, которая в свое время тоже не мало поработала для этого разгрома, вздумала, было, противиться ею же созданному капиталистическому режиму трестовиков и хозяйственников, но была безцеремонно выброшена из рядов ВКП. Были брошены в тюрьмы сотни и тысячи рядовых рабочих коммунистов или сосланы в ссылку. Однако, чтобы успокоить взволнованные разоблачением буржуазной сущности большевистского хозяйства, сталинцы пошли на уступку. В законе от 29 июля 1927 г. о трестах, прежняя формула о том, что трест работает *на началах коммерческого рассчета с целью извлечения прибыли*, красуется в куцом виде, а именно: «с *целью извлечения прибыли*» выпало. Думает ли ВКП таким образом добиться того, чтобы «овцы остались целы»? Во всяком случае о том, чтобы «волки были сыты», она позаботилась более реальным образом, тантьемами.

Урок, который рабочий класс должен извлечь из факта, что ВКП своими «социалистическими ризами» прикрывает новых буржуев-трестовиков и настоящую цель «командных высот», — наживу, может быть только борьба с правлениями на фабриках и заводах. Для этой борьбы с поднявшими голову «хозяйчиками» необходима всеместная организация фабрично-заводских комитетов, свободно избранных, без нажима партии и ГПУ; ибо существующие сейчас фабричные организации являются только орудием «хозяйчиков». И в этой борьбе на фабрике анархо-коммунисты должны будут и станут верными товарищами рабочих против новой нарождающейся «красной» буржуазии.

Я. ЛИНСКИЙ.

Крестьянство и большевики

На заре своей истории крестьянство определилось, как класс тружеников, занятых на земле вырабатыванием сырой продукции. Проследивши историю социальной жизни человечества, не трудно заметить, какую великую роль играл в ней в прошлом и играет в настоящем труд крестьянства. Однако, история эта не знает того, чтобы крестьянство, как таковое, составляло из себя единую трудовую классовую целость на подобие городских тружеников-пролетариев.

И это понятно. Крестьянство не едино. Крестьянство в основном делится на две центральные группы. Одна из них находится всегда в ничтожном меньшинстве, но, пользуясь экономическими привилегиями, она обладает через это большой политической силой в повседневной жизни. Вторая группа вмещает в себя всю остальную большую часть крестьянства.Будучи бесправной политически и стесненной в земельном отношении, эта часть проводит свою жизнь в тяжелой зависимости не только от государства и от помещика, но и от этого ничтожного крестьянского привелегированного меньшинства.

Но и группа большинства в крестьянстве делится на несколько категорий — на крестьян имущих, *малоимущих, бедняков и батраков.*

Здесь мы дадим определение крестьянства, каким оно было в дореволюционное время и каким после десяти лет революции большевики вновь его делают.

Под богачами понимаются крестьяне, кот. помимо того, что получили себе из общественно-земельного фонда подушный или подворный надел земли, приобретают таковую обыкновенно еще в аренду или совсем покупают в собственность и обрабатывают ее с помощью или совсем за счет наемного труда батраков. Эта группа крестьян-богачей считается в остальной крестьянской массе людьми, развращенными буржуазным стремлением наживаться за счет чужого труда и она зовется «кулаками» или «буржуями (смотря в какой местности и какое из этих двух слов ранее начало употребляться).

Под имущими (середняками) понимаются крестьяне, которые получили себе из общественного земельного фонда подушный или надворный надел земли и, не прибегая к чужому наемному труду, обрабатывают ее самостоятельно силами своей семьи, своими лошадьми или быками и своим сельско-хозяйственным орудием.

Под малоимущими понимаются крестьяне, которые получили себе из общественного фонда подушный или подворный надел земли, на который не имеют у себя в наличии достаточного количества лошадей или быков, а также своего сельско-хозяйственного инвентаря — и потому не могущие сами самостоятельно ее обрабатывать. Они обыкновенно засевают свои наделы и скашивают посевы с них со своими сурпягами соседями.

Под бедняками понимаются крестьяне, которые получили себе из общественного фонда надел земли, но обрабатывать его самостоятельно своими силами и средствами или со своими соседями супрягами не могут.- У них или не было лошадей или были и подохли, а купить их до следующего урожая не за что. Или прошедший год был неурожайный, что делает общественную помощь для них уже недостаточной, чтобы понести новые посевы. А это последнее обстоятельство в жизни хлебопашцев принуждает их продавать последнюю лошаденку-другую, землю отдавать в аренду богачу-кулаку за деньги или с половины и итти к помещику или к тому же кулаку на известные сроки в батраки.

Под батраками понимаются крестьяне, которые получили себе из общественного фонда надел земли, но сами его, обыкновенно не обрабатывают, а сдают в аренду за деньги или с половины или даже с третьего снопа крестьянам-кулакам, а сами служат у помещиков или из года в год всегда, или же подобно крестьянам -беднякам — известные сроки в году.

Правда, в русско-украинской действительности встречаются и такие крестьяне-батраки, которые сами не обрабатывают своих наделов, а предпочитают отдавать их в аренду, а самим проводить свою жизнь в батрачестве; они в процентном отношении не значительны. Их поддерживает на этом ложном пути не только нужда, но и невежество, в силу которого они, по примеру своих предков, мало когда даже думают о том, чтобы освободиться когда-либо от своего позорного батрацкого положения. Они остаются в нем из года в год и так всю жизнь свою, приучая и приспосабливая себя и своих детей к положению батрацкой жизни, считая ее в рамках настоящего времени наиболее надежным в смысле обеспечения своего лично и своей семьи существования. В борьбе крестьянства за землю, за хлеб и волю эта категория батраков не играет значительной роли; несмотря на то, что она в особо острые моменты этой борьбы склонна менять свою рабскую психологию и как будто сознавать то, кто ее прямой враг, в пользу кого и против кого она должна действовать, однако, и при таком состоянии она чаще всего остается нейтральной, не проявляя своей активности вплоть до определенного торжества какой-либо из борющихся сторон.

Вековая борьба крестьянства таким образом ведется в действительности силами упомянутых выше категорий, т. е. она ведется крестьянами *имущими, малоимущими, бедняками и батраками.* Эти труженики земли осознали причины своего неравенства и бесправия, причины того, что помещик и кулак, осев на всенародной земле, присвоили ее в свою собственность и благодаря этому пользуются трудом мало-имущих и батраков. Эта группа крестьянства экономически и психологически об'единена в своих вековых чаяниях освободиться от власти имущего буржуазного класса и стать полноправными членами свободного общества тружеников.

И с этой стороны, на этом пути крестьянство всегда считало своим союзником тружеников города. Отношение к труженикам города у крестьянства менялось тогда, когда городские рабочие подпадали под влияние политических партий, натравливавших их на крестьян, как на «буржуев» и когда труженики города принимали эту травлю политиканов за основу своих отношений к крестьянству.

Как известно, все почти соц. партии отождествляют крестьянство с мелкой буржуазией и на этом основании стремятся опролетаризировать его.

Более неверного положения, как подобное определение крестьянства и более неумного стремления, как желание сделать его бедняком — представить себе трудно. Но, нужно сказать правду, многие социалисты государственники его все-таки желают, а большевики пытались даже практически осуществить это положение в ходе русской революции, и основываясь на нем, создать мыслимый ими казарменный коммунизм. Мы знаем, что их попытки привели революцию в тупик и хозяйственно задушили ее и усилили батрачество.

В самом деле, батраки-крестьяне существовали в России и на Украине и при царско-помещичьем самодержавии, существуют они там и теперь при самодержавии Ц. К. большевиков. Десять лет политического, духовного, физического и всякого иного господства большевиков вместе с их усердными спецами не только не упразднили там батрачества, но наоборот, возродили его — после заметного падения его в первые месяцы октябрьской революции, сделали основой нэпа в деревне. Царско-помещичье государство держалось на политике расслоения крестьянства и поощряло его. Этой же политике расслоения крестьянства держатся и большевики. Для сохранения своей власти они нуждаются в кулаках и в батраках. Вот почему они все время боролись и борятся с тенденциями крестьянства изжить расслоения, дабы установить общее трудовое равноправие и независимость.

Эта политика большевистской партии, которая ложно выдает свою власть за диктатуру пролетариата, все время терпит крах. Теперь, после провалившегося опыта этой власти организовать без крестьянства, через диктатуру пролетариата — социализм в стране, должно стать ясным, что к крестьянской проблеме относиться легкомысленно нельзя, что нельзя пользоваться крестьянством в разрушительном фазисе революции в то же время не признавать за ним политических и экономических прав в строительстве нового общества. Это не оправдывается не только моральными, но и хозяйственными целями коммунизма, даже казарменного, большевистского. Правда, большевики не хотят сознать того, что государство и диктатура в революции убивают творческие силы крестьянства, без которых нет пути для утверждения социализма, — глубоко осознать это важно и для большевиков и для всех других социалистов и революционеров. Крестьянство не думает внемлить вождям большевистской партии и итти в сторону «самоликвидации». Оно самоутверждается в жизни нашего времени, — это факт довольно внушительный. Он в аграрных странах не сегодня завтра приведет крестьянство на первое место среди равных тружеников; именно, среди равных, ибо у крестьянства нет стремления к властвованию над городом. Крестьянство этим ядом не отравлено еще. В большинстве своем крестьянство экономически и социально стремилось в прошлом и стремится и теперь к тому, чтобы стать в своей жизни свободным и независимым от каких бы то ни было властников. Этим отчасти и об'ясняется его вражда к властнически относящемуся к нему городу — с одной стороны, и его любовь к земле, чтобы земля в подлинном смысле, не на словах, а на деле была общественным достоянием. Когда земля будет принадлежать всему народу и никому в отдельности—по мнению крестьянства, это явится лучшим охранителем их прав от всякого рода собственников земли и слуг этих последних — чиновников государства.

Но это то, чего большевики, следующие за мало убедительными для нашего времени доктринерскими формулами Маркса и Энгельса о концентрации капитала и земли — не могут признать. Они боятся крестьянства с той стороны, что торжество его в практической жизни естественно потребует упразднения государства и только поэтому они ложно отыскивают в этом стремлении кретсьянства, то контр-революционность, то несогласованность с задачами революции и их «миссией» в ней. А это привело их к тому, что они сознательно уж не делают в своем царстве того, чтобы крестьянство изжило в своей среде антисоциальные буржуазные тенденции кулацкой группы. Они, большевики, в интересах сохранения государства и своей партийной власти в нем, пошли в крестьянском вопросе против интересов революции. Они группу кулаков в крестьянстве приняли за «крепких мужичков» и, начиная с начала 1921 года всячески поощряют ее рост разными льготами — вплоть до назначений премий (см. дополнительную инструкцию по земельному вопросу, изд. сов. правительством за два месяца до введения нэпа, в марте 1921 г.), не задумавшись над тем, насколько этакое их отношение к решению крестьянской проблемы вредно для организации коммунистического хозяйства. Грандиозное дело построения свободного общества трудящихся требует напряжения социальных и умственных сил всех слоев городского и деревенского пролетариата, как тружеников фабрики, так и тружеников земли, тружеников, работающих под землей, тружеников транспорта, не исключая и персонала особенно квалифицированного умственного труда. Но эта классовая самодеятельность трудящихся исключает власть партийной диктатуры, во имя которой большевики заменили цели мыслимого ими социализма средствами государства и привилегиями, олицетворяющего его меньшинства.

Это обстоятельство в жизни и царствовании большевиков и поставило их, мысливших, хотя и не серьезно, когда-то о коммунизме, на антикоммунистический путь. Отсюда они логически дошли до поворота к капитализ-

му. И они начали этот свой поворот к нему организованно, делая вид, будто они принуждены это делать силою внешних условий и обстоятельств. И начали это свое антиреволюционное дело за счет революции, об'являя всякое самостоятельное революционное начинание крестьян и рабочих контр-революцией и стремясь при этом скорее покончить не только с этими самостоятельными начинаниями крестьян и рабочих, но с идеями Октября вообще.

И нужно сказать правду, успехи большевиков в развитии своей партийной конрт-революции были велики и «положительны»: практическую связь с идеями Октября они порвали. Революционных крестьян и рабочих, противившихся этому их делу, об'явили контр-революционерами, сами, закрепившись на рельсах самими же созданной контр-революции, покатились по ним прямо к капитализму.

То обстоятельство, что большевики взялись старыми государственническими методами и средствами, создавать новые формы социально-общественной жизни, переродило их революционную психологию в контр-революционную, убило в них сознание революционной ответственности за судьбу революции, социальный характер которой особо ярко выявлялся самими массами в октябре 17 г. с повторением его в ряде лет.

Встав на путь властнического и капиталистического строительства, неоднократно обманув и предав массы, доверившиеся им, большевики отрезали себе всякую возможность служения социальной революции и скоро стали ее фактическими палачами. Они воспрепятствовали тому, чтобы массы взяли своевременно судьбу революции в свои руки и произвели полную коммунизацию земли, индустрии и ее продукции. Это последнее не только усилило бы мощь русских рабочих и крестьян, но и укрепила бы самый путь развития и защиты социальной революции во всеевропейском масштабе.

Но вместо этого большевики силою власти прервали естественный ход революции и этим поставили два основных класса — рабочих и особенно крестьян — во враждебное к себе отношение.

Крестьянство, сыгравшее столь красивую роль в разрушительном фазисе революции, впало в недоверие к оффициальному ее вождю — партии большевиков и в следующих фазах революции находилось во враждебных отношениях с этим «вождем» и даже в борьбе с ним, не взирая на свою недостаточную организованность для такого акта, ни на чрезмерную усталость от боьрбы с внешними контр-революционными силами, ни даже на то, что всякая неудача его в этом революционном намерении будет об'явлена контр-революционным выступлением и всячески будет клеймиться.

Революционное крестьянство оказалось разбитым государственным аппаратом большевиков. Но разве мы не видими, какими жалкими и ничтожными оказались, наряду со всякого рода государственниками и большевики, которые в бюрократическом порядке взялись за разрешение социальной проблемы в жизни трудящихся? Они на всех парах катятся теперь к капитализму и тянут к нему всю революционную Россию, лицемерно уверяя всех, что социализм невозможен в России благодаря контр-революционности крестьянства. Ложь! Большевики погубили русскую революцию как раз тем, что сознательно и организованно раздавили революционное крестьянство, которое стремилось к классовой свободе, независимости и безвластию.

Н. МАХНО.

ПИСЬМА ИЗ РОССИИ

I

Дорогой друг!

Нечего и говорить тебе, что живем здесь как в постоянном кинематографе. Каждый день узнаешь что-нибудь новое. Воды немного успокоились после последней кутюрьмы среди различных оппозиций; как вдруг позавчера узнаем, что Вуйович получил распоряжение выехать в течении 3 дней к Белому морю в ссылку; вчера утром такое же распоряжение получили семь других, затем пятнадцать, затем 30, из которых 20 сапроновцев. Кроме того есть арестованные, среди которых бывшая жена Пятакова, который тоже повидимому будет включен в число высылаемых, которым только и остается держать путь на Север.

Для некоторых из них положение действительно не блестящее, в частности для тех из них, которые не думают отказываться от своих принципов. С несколькими рублями в месяц в Сибири после привычки к власти, это выходит довольно горьким лекарством. Поскольку им было больно за нас, столько же мне было больно за них. И затем разве у нас хватит времени, слез и средств, чтобы делить с ними? Нехватает слез для наших! Конечно, в общем и целом рабочий класс ничего не выигрывает от стольких расколов, но что делать, раз причины этих расколов жизненны и нечего путного не возможно в будущем, не пройдя через теперешнее критическое время ?

А жизнь продолжает свой обычный ход, все проходит, и газетные компании, и лозунги, и манифесты, и приказы, и декреты и все же суть остается та же. Можно отметить прогресс, поскольку прогресс возможен во всяком человеческом обществе в мирный период. И если рассматривать как прогресс всякий новый фазис жизни в ее различных формах, то можно даже остаться довольным, как Ромэн-Роллан, даже без поддержки книги Мильоли, в которой лишь фантастическое изображение деревни, тщательно расписанной

для крестьян поэтов в Италии, «которым (Слова Мильоли) нужен энтузиазм», как хорошая картина Компаннеллы.

Я уже писал тебе, что ушел из фабрики, действительно не имея больше сил там держаться. Вот тебе другие подробности.

3 месяца был без работы. Обстановка Биржи Труда меня душила; массы безработных увеличиваются с поразительной быстротой; помещения тесны; служащих не хватает; методы организации биржи отображают методы всей страны, созданные как будто для того, чтобы все осложнять.

Преобладающее настроение, подавленность по всей линии, рабочий не горд своим трудом; без средст производства он превращен в нищаго и даже когда он протестует, он всегда ниже своей социальной роли. Я говорю, понятно, о большинстве.

Нашел было временную работу у частника; у него 5 рабочих, маленькое помещение, скверное оборудование; хозяин скупой, мелкий буржуй душой и телом, хитрый и подозрительный; меняет рабочих каждые две, три недели, чтобы не быть принужденным выплачивать налоги и страхование, пока ему не попадет какой-нибудь дурак из деревни или из нищих, неразвитой или подлый, который сговорится с ним, чтобы обойти кодекс о труде.

Я очень забавлялся в этой дыре, устраивая скандалы своему хозяину. Хорошо плотят, однако, частники; нормы более мягки.

Вернулся на Биржу; еще раз месяц без работы; на на 26 руб. в месяц (1-я категория); наконец, после усиленных поисков по моей специальности попал на большую фабрику с более чем 1000 рабочих «Металлоломами». Заполнил анкету, представил бумаги, прошел медицинский осмотр. На следующий день появляюсь в мастерской. Большая радость; много товарищей, с которыми уже работал; хорошо приняли. Спрашиваю: как живется здесь? «Душат» отвечают. Сразу вижу, что это верно по ходу работы. Расценки вычислены гнусным образом; безпорядок в цеху; мало чистоты; раздеваемся в углу мастерской; кругом ящики, сырье, масло, пыль... одежду вешаем на гвозди, одну на другой. Начинаю работать. Один друг приходит помогать; работа не идет; подходит другой, получше; наконец, понял; дело налаживается; первые части выходят худо; лучше через час, совсем хорошо вечером; считаю сколько: 150 штук; 1 р. 20 к. за сотню; мне говорят, что можно отработать 500 штук за день. На следующий день вырабатываю 300, но не мог больше стоять на ногах. Спрашиваю у старого рабочего, занятого на той же работе; он мне говорит 400 в день; но если что-либо не ладится утром, то никак не нагнать после обеда. И он мне об,ясняет: «Год тому назад рабочему давали 4 рубля за сотню, затем 3.50, затем 3, затем 2, чтобы дойти до 1 р.20 ; ни малейшего улучшения в оборудовании; придушивая рабочего, дошли до такого увеличения выработки; среди множества рабочих всегда найдется один какой-нибудь, который перешагнет через норму, взаимно установленную рабочими явочным порядком; возможно, что расценки еще понизят при будущем коллективном договоре. Старая история; здесь все земляки. Фабрика вырабатывает миллионы барышей ежегодно. Кто их видал? Они поглощаются бюрократией, а рабочим не дают даже раздевальни!

Полчаса времени на обед; столовая на фабрике, в маленькой комнате; очередь перед кассой, очередь за супом, (первое блюдо), очередь за вторым, очередь за стулом, и с затратой времени, чтобы вымыть руки, которых никак не отмоешь, так они вымазаны маслом, можешь себе представить, какое здесь пищеварение! Пища переносимая; за 40 копеек можно быть довольным; но есть рабочие, которые предпочитают есть в мастерской кусок хлеба с сыром, сидя на земле в кругу; чувствуешь себя среди равных; здесь ругаются, проклинают, говорят о политике, растянувшись в грязи недалеко от уборной.

Партс,езд еще близок; говорят об оппозиции; общее сочувствие к ней потому, что она оппозиция; никто не знает, однако, чего она требует. Начинают с оппозиции, а кончают расценками, деревенскими делами, налогами, ценами сырья; с самым большим усилием вспоминается, как жизнь дешева была до революции и как дорога она теперь.

Есть один коммунист в цеху; рабочий довольно симпатичный, не очень сильный в своем ремесле; некоторые именно этим и об'ясняют его вступление в партию, что он так хотел найти себе защиту. Он не более образован, чем остальные; читает, как и другие, либо «Раб. Газету», либо «Раб. Москву» и притом всегда прежде всего деревенскую или судебную хронику, которая действительно интересна; он прост и умен, как большинство русских рабочих, но его отношения к другим рабочим не выходят ни простыми, ни искренними. Революционный рабочий на буржуазной фабрике — центр всех жалоб, всех протестов, всех страстей, затрагивающих рабочих; здесь коммуниста избегают, боятся, иногда уважают, но никогда не любят. Все знают, что донос это их долг; самая азиатская хитрость пускается в ход, чтобы не выдать больше того, что общее мнение признает допустимым.

«Что ты думаешь о мастере», спрашиваю я у одного рабочего, которыей питает доверие ко мне: «ничего, только пока он был рабочим, был вместе с нами, поддерживал расценки; теперь делает все возможное, чтобы снизить их», ; другой добавляет: «он заинтересован в их понижении». Он член партии, молодой, симпатичный. Через несколько дней говорю ему, что не могу выдержать этих расценок душегубов, что ухожу; он меня одобряет, говорит, что таково первое впечатление у всех, что привыкну; мало по малу он меня убеждает, с одной стороны меня страшит Биржа Труда; с другой стороны рабочая среда все же наиболее интересная в России.

Работаю, работаю, не глядя ни на кого; ко мне подходит друг; говорит, что инженер крутится по мастерской с хронометром в руке, проверяя нормы; говорит

мне уменьшить скорость работы; все так делают и через несколько минут сотня рабочих оповещена.

Вечером после получки ухожу с шестью старыми рабочими в чайную; с нерешительностью они покупают бутылку водки, прячут ее, так как пить запрещено в ресторанах низшего разряда; заказывают поесть: рыбы с картошкой и чай; едят все из одной миски, забыв о гигиене; настроение приподнялось; перед тем как есть потихоньку налили себе водки, питье, что жжет внутренности и разбивает мозги; едят с удовольствием; и говорят, говорят, понижая голос, когда разговор становится щекотливым, прищуривая глаза.

Нас шесть, разные типы, все хорошие мастеровые; здесь и рабочий крестьянин, и чистый пролетарий; тот, который любит выступать на собраниях, у которого сызмала страсть всегда защищать без боязни интересы рабочих; первый рассказывает, что на заводе повсюду «волокита», что уже несколько месяцев не созывается общее собрание; другой перечисляет все заводы, что пришлось покинуть из-за защиты рабочих; чистый пролетарий тайно сообщает, что такой то безработный, известный в цеху, не очень то ищет работы, так как у него на дому драгоценности, скрытые во время реквизиций первых времен революции. За два часа проходит десяток нищих; выпито десяток стаканов чая, затронуты всякие предметы: религиозные и политические, коллективные и частные, нравственные и исторические, но никогда не пошлые.

II

Нам пишут из Москвы:

Была забастовка на заводе сельско-хозяйственных машин в Люберецке, был выброшен лозунг советов без коммунистов. Была также забастовка в Москве, на фабрике (с поддержкой комячейки) и в Харькове при заключении коллективных договоров.

Книга Мильоли издана Крестинтерном; это честный человек, но безнадежный поэт; он все идеализирует; сверх того он имел в виду итальянского крестьянина, которому он хотел показать русскую революцию в привлекательном виде; в конечном счете он не жил в деревне; он сносился посредством переводчиков.

„Дружеский" совет

Нам пишут: После почти десятилетнего молчания и паралича, в которые большевистская власть вогнала анархическую мысль в СССР, часть русских анархистов задумала, было, заняться подготовкой истории анархической мысли и анархического движения. Зная, сколь невозможно в СССР заниматься какой бы то ни было общественной деятельностью, имеющей хотя бы отдаленное отношение к политике, наши товарищи сразу же ограничили себя вполне определенными, крайне узкими заданиями, — посвятить свои силы истории анархической мысли, дабы восстановить и сохранить связь между отдельными этапами этой мысли. Согласно намеченной цели, общество должно было именоваться «Группой по изучению истории анархизма».

В ее цели и в план ее работ входило: — «Собирание архива движения. Опубликование материалов по истории анархизма. Опубликование материалов по истории анархической мысли и быта. Опубликование монографий и подготовка материалов к общей истории анархизма, особенно в России. Создание общего архива. Создание ряда монографий по отдельным районам СССР. Подготовка биографий. Выпуск краткой истории анархизма в СССР».

Прежде чем оффициально обратиться к советской власти за разрешением на легальное существование намеченного общества, отдельные члены его в частном порядке информировали о своих желаниях некоторых большевистских вельмож, бывших когда-то товарищами анархистов по подполью и по событиям 1917 г.

Ответ получился классический: если вы не желаете всем своим обществом очутиться в тюрьме, то никоим образом не подымайте перед властью вопроса о вашем историческом обществе и отбросьте о нем всякую мысль.

После такого «товарищеского» совета богатое начинание наших т-щей в СССР вновь должно было быть положено под спуд.

Кампания в защиту заключенных революционеров в СССР

Кампания в защиту русских заключенных нами всегда понималась не только, как акт защиты наших товарищей, но как акт политический, раскрывающий суть той системы, того создавшегося правопорядка и общественного строя, которые позволили в революционной стране преследовать, держать в тюрьмах и ссылках лучших представителей борющегося труда.

Так понимая нашу задачу, мы обдумывали и организовывали кампанию с должной политической осторожностью.

Зная, что реакционные элементы, отечественные и иностранные, пользуются всякой неурядицей в революционной среде, чтоб нападать на своего классового врага — мировой и русский пролетариат и его революционные и классовые организации — мы это все учитывая, тщательно наметили круг нами защищаемых,

т. е. революционеров, борющихся за идеи и дела Октября.

Кампания ведется нами совместно и при полной моральной и политической поддержке Анархо-коммунистического Униона Франции и некоторых местных автономных профсоюзов.

Начата была кампания анкетой, разосланной к разного рода левым политическим деятелям, писателям русским и иностранным (из русских никто не ответил кроме об-ва бывших политкаторжан), а также разным синдикатам и политическим организациям.

Во второй план входила организация целого ряда митингов, в которых предполагалось дать политико-экономическую и правовую картину жизни русского рабочего и дать понять, что репрессии против революционеров, борющихся за идеи Октября, т.е. анархистов, синдикалистов, левых народников и оппозиционных коммунистов, также как и против беспартийных рабочих революционеров, не есть случайность и необдуманность, а следствие определенной позиции по отношению к Октябрю, на которую стала правящая интелигентская верхушка.

Главная работа, в смысле проведения митингов, пала на нашего тов. Лазаревича, владеющего французским языком, так как кампания пока ведется во Франции.

Весною прошлого года был организован ряд митингов в Париже и его окрестностях, а также в некоторых рабочих центрах Севера. Всюду и везде наши т-щи указывали, что репрессии в России против революционеров стимулируют реакцию против революционеров в буржуазных странах. Целый ряд митингов так и был проведен под лозунгом «Против репрессий в России и на Западе».

Во время разрыва англо-русских сношений, когда одно время казалось, что это может привести к войне английского империализма против России, т. Лазаревич, в согласии с организацией Рус. Анарх. Заграницей проводил митинг под лозунгом «На защиту русской революции», где он указывал, что в борьбе с английским империализмом, анархисты, как и русский пролетариат, будут на стороне революционной России; но тут он указывал, что авангард русского пролетариата находится в тюрьмах, и что борьба за его освобождение есть борьба за восстановление революционной мощи страны и следовательно, лучшая гарантия победы над империализмом.

Французские коммунисты первое время пытались обойти молчанием эту кампанию, надяесь, что она не примет широких размеров. Но случилось обратное.

Французский пролетариат, французские анархисты и синдикалисты в разных углах Франции заинтересовались положением русского рабочего, которое рисуется нашими т-щами исключительно по оффициальным большевистским данным (Они пользуются главн. обр. «Трудом» и «Раб. Газетой»). Уже по своей инициативе местные анархические группы и автономные синдикаты стали устраивать митинги, приглашая в качестве докладчика т. Лазаревича.

Теперь коммунисты не на шутку заволновались. Сначала они стали появляться на прения, пытаясь возражать; но возражения их неудачны, ибо приходится оспаривать цыфры из «Труда». Был даже случай, когда «Труд» был об'яьлен каким-то коммунистом белогвардейской газетой, печатаемой в Париже.

Кампания в тех же размерах и теми же силами между тем продолжается. От января до февраля 1928 г. было проведено на юге Франции, исключительно в рабочих районах, более 30 митингов.

В это время стали возвращаться во Францию делегаты, ездившие в Россию на октябрские торжества. Из этих делегатов, как известно, было организовано «Об-во друзей СССР,» которое стало раз'езжать по стране, передавая свои «восторги» всем виденным.

Делегаты эти первоначально старались строить свои восторженные речи на абстракциях, не давая цифр и точных данных, а если и давали, то всегда неверные, прикрашенные, на действительность мало похожие.

Но не тут то было. Наша кампания была перенесена в стены этих митингов-отчетов делегатов.

В Париже впервые группа анархистов явилась на отчет в Союз Швейников. Коммунисты, которые на своих митингах не привыкли давать слова инакомыслящим, и тут было уперлись, но видя настойчивость наших товарищей, они обещали дать слово после их доклада.

Следует в двух словах обрисовать тон, в кот. ведутся эти доклады «друзей» СССР.

Они не указывают на политическую роль русского пролетариата, а восхищаются экономическими улучшениями рабочей жизни. Тон и язык у них всегда реформистский. Если бы все, что они говорят о положении русского рабочего было верно, то и тогда это указывало бы, что большевики не сделали больше в рабочем вопросе, чем, примерно, венский муниципалитет с реформистским большинством.

Когда т. Лазаревич на митинге в Союзе Швейников вышел трибуну, чтоб возразить докладчице, организаторы потушили свет и началась потасовка.

Тогда наученные опытом, анархисты стали являться на митинги организованно и требовать слова до конца митинга. Так, на митинг, организованный синдикатом печатников, слово для вопросов было дано в середине митинга, после двух первых ораторов; но когда они почувствовали, что митинг поварачивается против них, так как т. Лазаревич данными из оффициальной русской прессы опроверг все их восторженные речи, они стали прерывать и так и не дали договорить до конца. И здесь дело не обошлось без стычки и митинг так и кончился ни в чью, ибо ихнему оратору, ренегату Коломеру, не дали говорить наши товарищи. Этот митинг был, впрочем, облегчен для нас тем, что синдикалистское и оппозиционное меньшинство из Унитарного Союза печатников, распространило тут же листовку, в которой требовало

осветить случай ареста коммуниста Фишелева, бывш. предс. Всерос. Союза Печатников, а также выслушать т. Лазаревича и других товарищей, принимавших участие в русской революции.

Теперь коммунисты, не имея других методов борьбы, стали распространять слухи, что т. Лазаревич агент полиции, что он получает средства от Сарро (франц. министра внутр. дел) и от Чемберлена, стали провокационно указывать, что он иностранец, почему-де, его не высылают из Франции за выступления на митингах. Затем они заговорили об этом в l'Humanité, централ. партийном органе франц. компартии. В N. от 24 февр. 28 г. они пишут в отчете об одном митинге:

«Агент Сарро, неизбежный Лазаревич начинает прения. С трудом ему удается произнести несколько фраз, чтоб очернить делегатов, как мощные звуки Интернационала его заглушают; ему отвечает Дюпре и Коломер, сравнивая его положение с положением наших иностранных товарищей, высланных из Франции за политическую или синдикальную деятельность, или просто за то, что состояли в синдикате или были известны, как антифашисты, в то время как он Лазаревич, может ехать по всей стране, преследуя известную цель под благосклонным оком полиции и наверное с его поддержкой.

В l'Humanité от 27 февр. 1928 г.

«В продолжении нескольких недель контр-революционер Лазаревич, высланный из СССР, ведет с поддержкой Либертэра бешенную кампанию против Сов. России. Лазаревич начинает прения только на собраниях организованных Об-вом друзей СССР, но не в пользу арестованных правительством Пуанкаре. Он осмелился выступать в Тулоне «против репрессий в России» как раз накануне митинга, организованного в пользу моряков измученных в Мальбуске, что об'ясняет гнев тулонских рабочих против него.

Честные революционные рабочие разоблачат Лазаревича, поставив ему следующие вопросы:

Почему он не нападает на правительственные репрессии Пуанкаре и не возражает на буржуазных, контрреволюционных собраниях?

Где Лазаревич берет необходимые средства на существование и на свои постоянные длинные переезды, в то время, как Либертэр живет изо дня на день?

Как об'ясняет он свои сношения с ренегатом Суваринким, выгнанным больше 3 лет назад из компартии?»

В ответ на эти подлые провокационные выпады делегация строительных рабочих, с которыми Лазаревич вместе работает на постройке, отправилась в редакцию l'Humanité, требуя пояснения и документов, действительно указывающих, что он агент полиции. Редакция ответила, что она не ответствена за эти статьи, что за них ответствен один из «друзей» СССР. Делегация была и у последнего. Оказалось, что обличающих сведений и документов еще нет, их еще ждут из Москвы.

Видя, что клевета не убедительное средство, ибо т. Лазаревича знает рабочая среда, в которой он постоянно вращается, они прибегают к другим средствам.

28 февр. на митинге, организованном «друзьями», во время выступления т. Лаз. на него бросилась «ком. гвардия» и стала избивать. Через минуту зала превратилась в воюющий лагерь; митинг был сорван.

9 марта т. Лазаревич должен был выступать на митинге «друзей» в Лионе. Подробностей мы еще не знаем, но судя по отчетам l'Humanité, там было 10 человек раненных с той и другой стороны.

Кампания продолжается... *И. М.*

Французские синдикалисты в защиту заключенных в СССР революционеров

3 февраля с. г. Ligue Syndicaliste отправила делегацию к полпреду СССР в Париже.

Два года тому назад та же организация обратилась в Полпредство, ходатайствуя об освобождении тов. Лазаревича; в то время делегация была принята Раковским. На сей раз прием был несравненно холоднее; сам полпред Довгалевский не удостоил приема рабочей делегации; принял ее первый секретарь посольства Дивильковский, не предложив делегатам присесть.

Делегация передала Дивильковскому следующую резолюцию:

«Ligue Syndicaliste», об,единяющая синдикированных от C. G. T., от C. G. T. U. и от автономных синдикатов, целью которых является установление синдикального единства, не желает настоящим обращением вмешиваться в сущность вопросов, которые разделяют в настоящий момент компартию СССР.

Перед лицом кризиса русской революции, важность которого не может не признать ни один сознательный рабочий, Ligue Syndicaliste хочет заодно поднять протест и забить тревогу.

L. S. протестует против применения тайной административной юстиции по отношению рабочих, которые в СССР требуют свободы слова и дисскуссий в их классовых организациях.

Состояние гражданской войны требует исключительной юстиции, способной быстро подавить контр-революционные попытки, направленные против стоящего у власти рабочего класса. При настоящем положении рабочий класс должен удержать право подавлять всякое действие или агитацию, вредную революции.

Но это право репрессий не может применяться против рабочих синдикалистов, анархистов или коммунистов тайно в то время, как монархисты и с-р,ы имели возможность защищаться.

Все случаи рабочих, арестованных и высланных теперь административно, должны быть контролируемы революционным пролетариатом.

L. S. не считает, что дискутировать и критиковать

в своих классовых рабочих организациях политику и действия советского правительства — есть преступление против безопасности революции.

Арестовывать и ссылать рабочих, которые пользуются своим правом дискуссии и критики, это значит, думая охранить революцию, ей вредить и предоставить в руки врагов грозное средство.

Проникнутая сознанием необходимости для рабочих всех стран защищать русскую революцию, L. S. бьет тревогу перед русскими революционными вождями, которые должны видеть, несмотря на трудности момента, что репрессии, которые они применяют, ставят перед бездной и самую революцию и свет, ею излучаемый во всем мире.

Среди книг и журналов

И. ГЕНКИН

СРЕДИ ПРИЕМНИКОВ БАКУНИНА

(*Заметки по истории российского анархизма*). (Красн. Летопись. 1927 № 1).

Содержание этой статьи не совсем соответствует ее заглавию и несколько разочаровывает читателя. То направление русского анархизма, которое именно определяло себя как «бакунинско-кропоткинское» во внутренней, между-фракционной полемике, совершенно оставлено автором в стороне: он заранее предупреждает, что ни «хлебовольцев», ни «анархо-синдикалистов» касаться не будет. Чем вызывается такое ограничение — читатель не узнает; сама же статья от этого теряет: в ней совершенно отсутствует критика теоретических основ анархического мировоззрения, и то провозглашение негодности и устарелости анархических методов, которым она заканчивается, не вытекает ни из какой предварительной критики. Не указывается и на то, какова именно приемственная связь рассматриваемых анархических течений со взглядами Бакунина, что именно было «бакунинского» у чернознаменцев и безначальцев.

Автору статьи нужно отдать справедливость: его тон совершенно иной, чем тот, к которому нас приучила социал-демократическая полемика с анархистами, начиная с известной брошюры Плеханова и кончая новейшими произведениями, вроде брошюры Яковлева. Здесь нет ни злобы, ни клеветы, ни недобросовестного подбора фактов — вообще, нет желания во что бы то ни стало изобразить противника в самом неприглядном свете. И. Генкин лично знал многих анархистов, сидел с ними в каторжных и других тюрьмах и сумел оценить их. Ольга Таратута, Эрделевский, Лапидус (Стрига), Гольцман, Этельсон, Ватерлооз (Сенна Гой) и ряд других безумно-храбрых и фанатически-преданных бойцов анархизма обрисовываются им с большой симпатией. Отмечается, между прочим, как характерная черта анархистов, отсутствие у них расхождения между словом и делом. «Если, например, кто нибудь из анархистов *теоретически признавал* террор и экспроприации, то он же *сам практически и участвовал* в их совершении, какой бы высокий «ранг» он не занимал среди членов группы». С симпатией автор отзывается и о Льве Черном, хотя и считает нужным заговорить при этом, ссылаясь на «белого» журналиста Ветлугина, о каких то буржуях и иностранных военных агентах, якобы посещавших анархический клуб на Большой Дмитровке.

И. Генкин признает за анархизмом заслугу исторического характера: своей критикой социал-демократии, ее легализма, ее выродившегося социализма, своими призывами к энергичному революционному действию, он будил в прошлые времена мысль рабочих, не давал им погрузиться в пассивность. Но все это теперь, очевидно, по мнению автора, стало ненужным. Для настоящего времени он характеризует анархизм словами тех раскаявшихся анархистов, которые в 1923 г. написали известное всем шумное заявление (подписанное Гейцманом, Гопнером, Михайловским, Виноградовой, Тановицкой и еще некоторыми). Этому выбору авторитетов можно только удивляться: ведь не может Генкин не знать, что люди, покидающие свою партию всегда стараются, в силу простого нравственного «самосохранения», очернить ее. Эти ссылки на заявление расскаявшихся встречаются в статье Генкина не раз и являются одною из ее слабых сторон.

Есть в статье некоторые фактические неточности, но они не настолько существенны, чтоб на них стоило останавливаться. Более серьезным кажется нам то заблуждение автора, которое заставляет его описывать направление Махайского, как одно из течений анархизма. Основные идейные источники «махаевщины» в действительности гораздо родственнее марксизму; с анархизмом его сближали черты второстепенные, главным образом, враждебность к социал-демократическому реформизму и парламентаризму, тогда как основная идея махаевщины, вражда к интеллигенции, если и жила как временное настроение в некоторых анархических группах, то ни в какой мере с самим анархизмом не связана. С другой стороны, основная идея анархизма, безгосударственный коммунизм, не играет никакой роли в махаевщине, вообще враждебной всякого рода идеалам. *)

В общем, наиболее ценная часть статьи, это — та, где обрисовывается настроение и недолгая жизнь нескольких боевых анархистов. М. К.

---

*) *Взгляд на махновщину у ред. Дела Труда иной, нежели у т. М. К. Этот наш взгляд в общих чертах изложен в статье освященной памяти Махайского по случаю его смерти 19 февраля 1926 г. (См. Дело Труда № 11).*

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ «КРИТИКИ»

В последнем номере журнала «Пробуждение» помещена статья «Никак не угодишь», подписанная инициалами М. Р. — в ответ на мою заметку об этом журнале, помещенную в анархическом органе «Дело Труда».

М. Р. начинает свою критику с того, что «Дело Труда» удостоило «Пробуждение» своим вниманием, поместив в своем органе заметку о нем. Но ему, видите ли, не нравится то, что «Д. Тр.» считает себя единственным русским анархическим органом. Вот, если бы то же самое говорилось о журнале «Пробуждение», тогда бы ему это, конечно, понравилось. Но не понимает наш доморощенный критик, что как не соглашайся иногда с «Дело Труда», оно все таки орган определенного анархического направления, в то время, как «Пробуждение» — журнал любого направления, но только не анархического! Ведь суть не в том, что «Пробуждение» называет себя «органом свободной мысли» и помещает иногда на своих страницах статьи анархического содержания, а в ясном подходе и определенном отношении к различным вопросам анархизма. Каково, например, отношение журнала «П.» к современной организационной проблеме русского анархизма — методу, цели, форме и тактике анархической организации? Анархисты ли вообще «пробужденцы»? И если даже согласиться с последними в том, что они правы, называя себя «свободниками», то спрашивается, какие они «свободники»: коммунистические, синдикалистские, индивидуалистические или какие-нибудь другие? Могут ли они ответить на эти важные и существенные вопросы?

М. Р. указывает на то, что слово «свободники» выражает идею анархии, и что Элизе Реклю и другие анархисты часто употребляют это слово. Что же из этого следует? Прежде всего, слово, «свободник» не выражает еще идеи анархизма, ибо «свободниками» могут быть и не анархисты, как напр., государственные социалисты, коммунисты или синдикалисты, тоже стремящиеся к свободе. Вот, если бы наши «свободники» называли себя безвластниками, тогда было бы ясно, что они сторонники анархизма, но свободомышление еще не анархизм!

Затем, Реклю и другие анархисты могли часто пользоваться словами «свободники», когда речь шла об анархистах. Но не следует забывать того, что это было давно, в старые времена, когда, при условиях нелегальной работы, анархические идеи не были еще доступны широкой массе. Вот, напр., покойный А. Карелин много лет тому назад предлагал русским анархистам, в условиях легальной работы, называть себя «свободными общинниками» — это было, до известной степени, понятно. Но в настоящее время, при той обостренной партийной, фракционной и оппозиционной борьбе, происходящей в рядах как социалистического, так и анархического движения, недостаточно называть себя ничего не говорящими именами «свободники», ибо современная эпоха, переживаемая нами, требует от каждого сознательного стороника данной теории или идеологии определенных и ясных взглядов.

По мнению М. Р. выходит, что большевистская партия и анархическая партия — одно и то же; для него обе эти партии синонимы. Если так, то всякие возражения здесь излишни: наш толковый критик, видно, лучше не поймет.

Для меня давно уже ясно, что «Рассвет» и «Пробуждение» одного поля ягоды, и лучшего отношения к анархизму и анархистской работе нельзя ожидать от них. Руководители этих изданий люди чуждые всякой идейной работы и потому не верующие в определенную идеологию анархизма. Ясно поэтому, что газетой и журналом должны руководить идейные и верующие люди, умеющие не только просвещать, но, главное, воспитывать своих читателей в духе определенной идеи и определенной веры, ибо надо помнить, что только идейно верующие люди, в конце концов, сумеют подвинуть нашу жизнь вперед...

Л. Л.

Борьба за организованность

ОБ ОТВЕТЕ НА ПЛАТФОРМУ

Рассматривая пресловутый «Ответ» на нашу платформу, составленный семью русскими анархистами, я думаю, что их призыв присоединиться к ним останется гласом вопиющего в пустыне, и вот почему:

Те несколько слов, высказанных в заключении «Ответа», заставляют всякого уважающего себя анархиста воздержаться от этого. Ибо невоздержанность «ответа» в языке, перемешанная с личным антагонизмом, сознательными извращениями, передержками и т. д. должны невольно оттолкнуть каждого минимально чистоплотного революционера от авторов «Ответа». Невольно напрашивается мысль: «так вот каков их способ практического и синтетического об'единения анархистов всех направлений в единый анархизм!

Но особенно меня возмутило их замечание в том же заключении будто платформа составлена «ничтожным меньшинством анархистов, принимавших участие в русской революции» и «что целый ряд русских же товарищей, переживших тот же опыт сделали из него другие выводы... Некоторыми из таких товарищей составлен и подписан настоящий ответ».

Если бы не это возмутительное замечание, я бы вообще обошел молчанием весь «ответ», как грязную попытку болтающих интеллигентов сорвать великое дело анархической организованности. Я отвечаю лишь потому, что заключительные слова ответа считаю оскор-

блением всему рабочему анархическому движению в России с 17-21 г. и широкому украинскому повстанчеству движению того же периода, и оставшимся и уцелевшим рабочим анархистам и повстанцам в России в настоящее время.

Вскользь замечу, что подписавшие »ответ» в русском анархическом движении были совершенно неизвестны, за исключением одного. С другой стороны участие и переживание участию и переживанию рознь. Можно пережить и десять революций, сидя в кабинете того или иного учреждения, чиркая статейки, изредка прочесть реферат, пару лекций и т. п. Дело не в количестве, а в качестве. А главное, — где, как и что переживать?

Если на минутку согласиться с авторами «ответа» в том, что в заграничной организации русских анархистов, переживших этапы русской революции, меньшинство, то я категорически утверждаю, что это то меньшинство, которое делало анархическое дело в русской революции. В заквкомах, в советах, в крестьянских комитетах, в кооперативах, в профсоюзах, на фабриках, заводах, рудниках, в украинском повстанчестве — всюду оно вносило анархический дух. Пусть здесь, за рубежом, они меньшинство, но там, на месте в России за ними и вместе с ними шли и творили анархическое дело сотни тысяч крестьян и рабочих. Конечно, это меньшинство — не пустозвонная интеллигенция, а рабочие, вышедшие из низов, дети станка и сохи. Они пережили все этапы русской революции не за болтливой дискуссией, а в боевом огне революции, или на каторге.Это меньшинство и является истинным представителем русского рабоче-крестьянского анархического движения.

«Платформа» — это результат работы этих анархистов активистов в широком низовом рабоче-крестьянском анархическом движении. Это не плод досужей фантазии, это не творчество кабинетнаго надуманного анархизма вдали от гула революции. Это уроки этапов русской революции. Это живая действительность практического анархизма в революции. . И это живое великое дело пытается дискредитировать какая-то группка пытиков!

Выходит у них по «ответу» так: — муха и вол — «мы пахали».. Всякий, просмотревший ответ на платформу поймет все злопыхательство авторов его в силу даже только одной боязни, что иностранные товарищи на некоторое время увлекутся Платформой.

Мы ни от кого не требуем любви, ни тем более увлечения. Реальная жизнь подсказывает каждому анархисту всю серьезность и грандиозность поднятого Платформой дела, требует, толкает каждого анархиста на путь создания Всеобщего Союза Анархистов, дабы в их организованных рядах не было больше места дикому хаосу и безответственности. Подавляющеее большинство серьезных анархистов прекрасно понимает, куда ведет их Платформа, и результатом этого их понимания явится деловой жизнеспособный Всеобщий Союз Анархистов Коммунистов и наш анархический интернационал.

Подробный анализ и освещение пресловутого «ответа» был дан нашей организацией в N 28 Дела Труда. Я позволю себе к этому анализу добавить несколько своих замечаний.

Напрасно наши ретивые «ответчики» балагурят о ребенке, которого мы будто собираемся выплеснуть с водой из корыта. Из нашего анархического корыта мы стремимся выплеснуть — и безусловно выплеснем! — ту нечисть дезорганизации, разгильдяйства, безответственности, которая смертельно угрожает жизни анархического духа среди трудящихся. У семи нянек ребенок всегда кривой, голодный и разутый. Нашим мудрым « ответчикам» это должно быть известно и несмотря на это они не прочь разыграть из себя восьмую няньку при ребенке. .

Напомним здесь, что один из авторов «ответа» — Волин — в статье «Дело Набата» (Д. Тр. N 7-8) писал: «Основной же принцип организации должен быть, по моему, тот же, какой был принят «Набатом». Сочетание федеративного начала с некоторыми элементами свободной, естественной, технической *централизации*. т. е. связанности (не будем бояться слов), свободной товарищеской дисциплиной и коллективной ответственности».

Что это? Ответственное слово ответственного работника или набор пустых фраз, в которые не верит сам автор? Если ответственное заявление, тогда почему оно забывается, когда то же лицо начинает разбирать Платформу? Если же это не ответственное заявление, а случайная пустая фраза журналиста, то почему тогда не считать случайной пустой фразой и весь «ответ» авторов? Где критерий, по которому можно отличать серьезное от пустого у наших «критиков» из «ответа»

Наши критики из «ответа» против идейного руководства революционной борьбой масс. Они *за помощь* массам. Вот где можно сказать, — наивность перерастает недомыслие. Идейную роль анархизма в борьбе масс они не отрицают. Но с маньячным упорством отрицают право анархизма идейно руководить социальной борьбой, не сознавая того, что идейная помощь анархизма неминуемо принимает характер идейного руководства борьбою масс. В чем же корень расхождения? *В вопросе ответственности*. Анархо-хаотики говорят: «мы не руководим ни событиями, ни борьбою масс, *поэтому* мы не ответственны за исход того или иного движения, той или иной борьбы масс». Так оно бывало сплошь и рядом, так оно было и в русской революции. Анархисты типа «ответчиков» неоднократно заявляли, что они ни в какой степени не ответственны за те или иные поражения рабочих и крестьян в русской революции. Они, видите ли, потому не ответственны, что не брали на себя ни идейного, ни практического руководства в борьбе масс, а руководства не брали потому, что принципиально его не признают. Теория, как видите, очень удобная для всякого рода трусливых мещан, но совсем недостойная революционных борцов анархистов..

Вот образчик безответственной болтовни авторов ответа. На стр. 20 «ответа» они пишут: «Раз массы станут на путь подлинной социальной революции и ее строительства, последнее будет естественным началом формирования анархического строя». И только. Как у них все просто и легко разрешается. Выбросили лозунг, гаркнули пару слов, и довольно, дело сделано. Но голый лозунг сам по себе еще ничего не говорит. Как и каким образом его претворить в жизнь? Что должно быть и чего не должно быть в социальной революции ? И что это за естественное начало и как будет формироваться анархическое общество? Это не их дело! Это дело самих масс. Они сказали, омыли руки и баста. А не выйдет, не надо. Ведь они безответственны и ответственности никакой не берут и брать не хотят.

Мы ответственности не боимся. Полностью берем ее на себя во всех трагических случаях борьбы труда с капиталом, ибо мы анархисты слова и дела. Мы *обязаны* идейно направлять события и борьбу масс в определенном направлении, в направлении анархического коммунизма, а не в каком ином. Русская революция полностью подтверждает это наше положение.

Если бы в повстанческом украинском движении не было руководства и инициативы со стороны анархистов, оно никогда не приняло бы тот смысл и тот характер, которые исторически запечатлелись на нем. Если бы в крестьянском движении в Великороссии не было инициативы и руководства анархистов, то весной и летом 17 г. не было бы такого повсеместного захвата крестьянами помещичьих земель.

На всеобщей петроградской конференции фабзавкомов 30 мая 1917 г. было оглашено о захвате многих заводов в руки рабочих по инициативе анархистов. Инициатива и идейное руководство необходимы в борьбе масс и мы стремимся к тому, чтобы идейное руководство анархистов перестало быть случайным и поверхностным, а стало бы прочным и организованным. Этим мы выбьем почву у государственных социалистов (большевиков, меньшевиков и т. д.) и освободим от их влияния борющиеся массы и приблизим их к идеалам анархизма. И этого мы достигнем путем организации Всеобщего Союза Анархистов. Кто этому противится, тот льет воду на жернов буржуазии и государственных социалистов.

Остановившись на нашем отношении к идее переходного периода, авторы «ответа» ударились в сознательное и злостное искажение наших положений.

Мы уже неоднократно писали, что не только не признаем переходного периода, как известного периода застоя и смерти революции, с наличностью власти, но подтверждаем, что все те, кто его признают, не верят в силу и мощь трудящихся классов, в их революционное творчество, и не понимают сути социальной революции. В нашей Платформе имеется разработка переходного периода, и намечены пути и развитие соц. революции с нашей точки зрения.. В своем «ответе» его авторы сочиняют всяческие небылицы. Ни в одной странице Платформы не было и нет робких колебаний «с одной стороны нельзя не признаться» и т. д. Такие приемы совершенно недопустимы для революционеров. А авторы «ответа» еще говорят о серьезном анализе. Разве это анализ? Сознательное искажение не только того, что есть, но навирание того, чего нет.

Отв. стр. 19. *Защита революции*. Касаясь важнейшего вопроса защиты революции, наши противники в этот вопрос не только не внесли что-либо новое, но даже закрывают глаза на действительность, на ход русской революции.

Революция в перчатках не делается, — мы знаем это и на лицо имеем классовую войну, наступление революции на своих врагов — контр-революцию. Гражданской упорной войны нам не избежать и процес соц. революции продолжителен. Но это сама социальная революция, а не переходный период.

Вопрос о военной защите революции Платформа поставила в порядок дня и предлагает изучить его теперь же, тщательно набросав свою схему, дабы не очутиться разоруженным перед лицом хитрого врага. Вопрос надо изучать, положительно решить его и не выдумывать злостных небылиц, как это делают авторы ответа.

Платформа говорит, что в момент наступления на революцию организованных контр-революционных сил будут приняты меры защиты революции против таких выступлений. Можно ли быть против революционного насилия трудящихся в соц. революции? Да ведь трудящиеся массы, ведя борьбу за свое право на жизнь, ведут ее революционно, *насильно* ; это не насилие, а защита своих прав. Не признавать насилия над своими врагами, насилующими нас, в процессе социальной революции и гражданской войны, это значит не желать ни самой соц. революции, ни гражданской войны, ни борьбы классов, ни анархизма. Это равносильно тому, что надо ласково просить властвующих и капиталистов мирно в силу убеждения отказаться от правления и власти. Борьба труда с властью и государством может быть только насильственной борьбой, кто сильнее, тот победит. Иначе нужно бросить называть себя анархистами-революционерами, а быть толстовцами, непротивленцами злу. Революция есть насилие, как и контр-революция. Власть — насилие. Государство — тоже. Но на насилие государства и власти мы организуем свое революционное насилие над ними и это организованное трудящимися классами насилие над своими врагами, собственностью, властью и государством называется социальной революцией, а победа трудящихся, как плод этого насилия, будет анархический строй. Так просто и ясно. Зачем же пустые слова с задними мыслями и подковыркой ? Они смешны, жалки и унизительны для их авторов.

Посмотрим теперь, как ответчики критикуют конструктивную (положительную) часть платформы. Я не буду здесь указывать, как в своем ответе они все время прыгают и разбрасываются от вопроса к вопросу. Анализируя конструктивную часть, пункт «Производство», они прежде всего ставят упрек Платформе

в сжатости означенного пункта. По этому поводу они пишут: «И если бы мы предприняли изложение анархической платформы, мы сочли бы более правильным дать общую картину всего социально-экономического процесса в его новых живых функциях и комбинациях» (стр. 24) В чем же дело? Почему же вы этого не сделали и не делаете? Было бы много лучше, если бы вы вместо для вас самих непонятной болтовни занялись созидательной работой. Но вы на это не способны и предпочитаете отравлять всякое живое анархическое начинание. Спрашивается, какая же цена всему этому «ответу»? Одна — пустая болтовня, литературная водичка, а существенного ничено нет.

Затронув в Платформе вопрос о производстве, мы стремимся в этом пункте отметить и указать, что соц. революция вопрос о производстве с первого дня поставит ребром. И что как производство всей страны в целом, так и продукты этого производства будут принадлежать всему обществу; всем вообще и никому в отдельности. Знаем, что по этому вопросу будет предпринят ряд работ, его детализирующих. Во избежание поражения и уклонения от правильного пути соц. революция сразу же берется за разрешение хозяйственно-экономических проблем Для этого немедленно трудящиеся классы и произведут всеобщую экспроприацию хозяйства страны для всего трудового общества и проведут в жизнь *планомерную организацию общественного социально-революционного производства.*. Успех и все будущее соц. революции и гарантия анархического строя, потребление и распределение, только и зависят от этого планомерного, социально-организованного сельско-хозяйственного и промышленного производства. От этого зависит все, в этом залог и фундамент анархического строя. Ибо неорганизованность общественного производства делает невозможным безденежную организацию общественного обмена. Ведь только наличие частной собственности, сосредоточение всех средств производства в руках немногих лиц или государства являются причиной власти, угнетения и эксплуатации труда капиталом. Значит перед первым днем социальной революции лежит важнейшая задача организации общественного строя на принципе обобществления всего хозяйства страны с планомерной организацией общественного производства на началах независимости и самоуправления рабочих классов.

И еще меньше сказали, вернее совсем ничего не могли сказать наши ответчики по вопросу продовольствия и земли. Их «новое слово» заключается разве в том только, что трудящиеся даже во время социальной революции, должны кормить всю нынешнюю эксплуататорскую орду, даже если она будет подкапываться под революцию и точить на нее ножи (стр. 24 и 25 «ответа»). Но в этом заявлении ответчиков ничего нового, а тем более революционного нет. Рабочих с пеленок учит этому капиталистическое общество. Рабочий класс знает цену этому учению и пройдет мимо него, даже тогда, когда его будут пропагандировать такие «мудрецы», как авторы «ответа».

Подойдя к последней организационной части Платформы, наши ответчики совсем обессилели и вместо какого-нибудь определенного плана анархической организации завели нудный разговор о своем пресловутом синтезе.

О «синтезе » я повторяться не буду, об этом уже отмечено было в Д. Тр. N26-27 в прекрасной статье т. Аршинова. Ответчики предлагают создать единый дискуссионный орган, чтобы «дружески» разрешать в нем все вопросы анархизма. Но фактически из этого предложения получится толчея воды в ступе — не больше.

В заключение могу сказать, что во всей их брошюре в 39 страниц нет ни серьезного подхода, ни серьезной критики по всем затронутым вопросам в нашей Платформе. Есть одно, что резко бросается в глаза и проходит красной нитью от начала до конца их «ответа», — это злопыхательство по адресу Группы Рус. Анарх. Загр., искажение фактов и стремление во что бы то ни стало, какой угодно ценой подорвать доверие к авторам Платформы, обвинив их в большевизме, в партийности, и в чем угодно. Весь ответ для сознательного товарища, читающего и разбирающего его, ничего не дает ни уму, ни сердцу.

Одному можно порадоваться — тому, что всякий искренне желающий укрепления нашего анархического движения и стремящийся к разрешению организационного вопроса в анархизме, после прочтения «ответа» на Платорму окончательно придет к выводу, что иного выхода, кроме указанного Платформой нам нет.

Чтобы не погибло окончательно анархическое дело и чтобы грядущая революция не застала нас врасплох и чтобы снова не очутились у разбитого корыта, воскликнем: Да здравствует Всеобщий Союз Анархистов! Все к Платформе, за платформу! Иного выхода нет и быть не может.

Рига. *А. ЧЕРНЯКОВ*

ТЕОРИЯ и ПРАКТИКА

Несмотря на то, что теория и практика должны составлять одно неразрывное целое, однако в этих словах есть что-то недосказанное. Есть теория (подлинная), согласующаяся с жизнью, А есть теория горбатая, искажающая действительность. Охотников рассуждать теоретически в наше время хоть отбавляй, но с трудом можно отыскать таких, которые бы свои теоретические взгляды и положения стремились осуществить на практике.

Всем нам известно, что многие способны наговорить ворох разных небылиц, но предложите им выполнить ими наговоренное, то получите отрицательный ответ, мотивируемый разными невозможностями. А это значит, что теория не требует самоответственности и самодисциплины, сколько требует практика, т. е. иначе говоря, в теории легче уклоняться от ответственности, нежели в практике. Присматриваясь и прислушиваясь к «теоретическим говорунам», невольно приходишь к

следующему выводу: все эти пустословные «теоретики» являются безответственными людьми не только перед другими, но и перед собой и болтовня их — это профессия личного удовольствия. Для них важна теория сама по себе, как способ проявить себя и подняться на какой-либо пьедестал. Вся их философская проповедь вся красноречивость их теоретических слов сводится к одному общему знаменателю, который можно формулировать словами, кем-то выраженными: «если все ваши красноречивые и необыкновенные слова сложить вместе и сумму разделить на какое-то эн-число, то выйдет одно единственное слово, начертанное жирными буквами «пустота».

Долгие годы анархическое движение, благодаря многим тормозящим причинам, не в состоянии было выработать точного и правильного практического метода, ведущего к достижению цели, намеченной учением анархизма. Российская революция очень много помогла в этом вопросе многим анархистам, принимавшим личное участие в ней. Колоссальная неудача освободительного движения в русской революции заставила многих анархистов задуматься о тех коренных недочетах, которые явились причиной слабости и поражения анархизма в России. Недочеты эти сказались в том, что в среде анархического движения, если и была сплоченность и согласованность в вопросе о цели, то в вопросе о методах достижения ее было как раз обратное, — полная раздробленность и противоречие. Необходимость в общей платформе, которая бы являлась практическим руководством для разрушения государственной централистической власти и проведения в жизнь идеи свободного общежития, оказалась крайне настоятельной.

Результатами этого практического урока российской революции перед нами теперь лежит «Платформа», изданная Заграничной Организацией Русских Анархистов Дело Труда, вернее сказать проект ее.

Проект этот, как сказала тов. *М. Корн*, если и не является полным достижением, то во всяком случае заслуживает громадного внимания тех, кто искренно стремится к осуществлению на практике теорий и идей анархизма. Но «теоретики» небылиц, испугавшись практического метода, который является помехой их красноречивого пустословия, завопили в один голос: «анархическая диктатура». Ибо, по их мнению «для анархистов необходимо усвоение лишь теории, практическое же осуществление этой теории это дело рук трудовой массы». Добавлю от себя что той трудовой массы, которая вовсе не знает теории.

Последователей подобной небылицы очень мало, но вред она приносит все таки чувствительный в анархическом движении уже потому, что всякий вопрос в своем зародыше имеет стороны не совсем выясненные. К тому же еще многие из последователей анархизма не научились мыслить самостоятельно и руководиться своим собственным рассуждением и вдумчивостью, а руководятся магической палочкой какого-либо поднебесного философа, служащего для них авторитетом. Самым опасным пунктом в «Платформе» для «теоретиков» в кавычках — это пункт о коллективной ответственности и самодисциплине, от которого у них не на шутку задрожал весь организм с перепугу. И было бы полбеды если бы они, оторопевши, отказались, если не совсем от анархизма то по крайней мере от старой своей привычки тормозить дело других. Но как это ни печально, в жизни привычка не малую роль играет тоже. Человек привыкший учить других не скоро соглашается с тем, чтобы его учили. На этой почве появляются «недовольные», протестующие против той живой струи, которая внесена в анархическое движение людьми, испытавшими на опыте тот недостаток в анархическом движении, какой оказался в русской революции.

Для подлинных последователей анархизма подобные протесты не имеют никакого значения. Все, что необходимо нам для живого дела, а не для теоретических небылиц, это *проявить свою активность* в разработке и лучшаго выяснения главных пунктов Плафтормы, а также устранения из нее пробелов, если они в ней имеются, и затем общими силами разработать путь и практический метод, которые ведут к намеченной теорией анархизма цели. Основа этому делу положена в Платформе. Требуется усиленная работа для его усовершенствования и завершения. И если анархисты это выполнят, то лишь тогда можно расчитывать на успех анархического движения и анархического учения.

Другого исхода нет и не может быть.

Нью-Йорк. *Е. БЕЛ.*

Из оппозиционных настроений на западе

Теперешние настроения в западных компартиях рисует напечатанаая в La Révolution Prolétarienne, корреспонденция, кот. ведется между бельгийским коммунистом и П. Монатом.

Спор идет о том, следует ли оставаться в компартиях и в пределах их бороться с опортунизмом и термидорианскими течениями или же выходить их них и извне, через рабочий класс, вести борьбу с опасным уклоном в мировом коммунистическом движении.

Приводим характерные отрывки из этой переписки

Бельгийский коммунист пишет:

«Настоящий кризис в бельгийской компартии нас сталкивает больше чем когда бы то ни было с опортунистами, лжецами, трусами и льстецами из Коминтерна, фальсификаторами наших слов и писаний. Но, должны ли мы облегчить им их работу, оставляя их одних в компартии? Неправда ли, нет.

Правы мы не только в так называемом «русской вопросе», но и во всех вопросах, из за которых мы с ними воюем, как синдикальная тактика, тактика избирательная, единый фронт и т. д.

Выходить, строить новую партию? Тысячу раз нет, если мы понимаем, что есть еще что делать в К. П., что наиболее правое и наиболее трудное дело это здесь, перед лицом наших врагов, чтоб их выжить оттуда.

Против термидорианского течения! Но против также течения бегства!».

В ответном письме бывший член французской компартии Монат отвечает:

«Вы не хотите быть коммунистами прислужниками. Вы это доказываете. Но отдайте себе как следует отчет в том, что нет места не прислужникам коммунистам ни в коминтерне, ни в компартиях. Или вас заставят капитулировать или вас прогонят. Интернационал опытен в искусстве партийных проделок. Посмотрите, что стало в Италии с Бордигой. Он имел за собой в Италии громадное большинство итальянской партии. Они расторгли это большинство; на чашу весов было брошено влияние русской революции; от Бордиги отделили коекого из его лейтенантов. Арест Бордиги облегчил дело. Но тем или иным способом, итальянская компартия должна была стать тем, чем она является теперь, послушной партией, как и все остальные.

Ван Оверстратен и вы, мой товарищ, вас постигнет та же участь. Бельгийская партия вас обойдет. Вы будете оттуда выгнаны как троцкисты.

Во Франции большое число революционеров вошло в партию, не принимая вполне ее идеологии. Многие жалуются на синдикальную политику, которая там проводится. Но к этой плачевной политике они ежедневно приобщаются: при помощи дисциплины они ей помогают. Будут ли они долго так продолжать?

В последнем своем воззвании сосланные питают надежду на коминтерн и на партии его составляющие. Я не разделяю этой надежды. Кто захотел бы говорить, будет тотчас же исключен. Осуждение будет вынесено извне самим рабочим классом.

Я повторяю, высылка нанесла последние удары по партиям и коминтерну».

ОТВЕТ НА НЕКОТОРЫЕ ПИСЬМА.

В ответ на письма, полученные мною от т-щей из некоторых городов по поводу заметки редакции Д. Т. о непомещении моей статьи, касавшейся конфликта с Волиным, скажу следующее. Вполне разделяю решение редакции Д. Тр. о недопущении полемики подобного характера на страницах Д. Тр. Если мною направлена была в редакцию такого рода статья, то лишь до получения мною брошюры, выпущен. Груп. Русск. Анарх. в Париже под названием: **Кому это надо?**, в которой вполне освещен вопрос, затронутый мной в статье. Ред. Д. Тр., сохраняя стран. журнала от подобной полемики, вполне поступила правильно, ограничившись лишь заметкой о получении такого рода статей, говорящих не в пользу Волина. Поэтому упреки в письмах товарищей по адресу редакции Д. Тр. за непомещение моей статьи считаю неосновательными, ибо содержание своей ненапечатанной статьи я знаю лучше, чем упрекающие и считаю, что ред. Д. Тр. поступила правильно.

С тов. приветом *Е. Бел.*

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ N3 в пользу журн. «Дело Труда». П. Черный 0.50 дол. Д. Душин 0.50; С. Мирончук 0.50; М. Паратов 0.50; М. Куба 0.50; Г. Заико 0,50. Итого: 3 дол. г. Монтреал.

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ N 8 в пользу заключен. в России анархистов. г. Монтреал.

Д. Душин 1 дол.; С. Мирончук 1 д. В. Каледа 0.25 д.; И. Карчицкий 0.25; П. Вилимович 0.25; В. Скиртун 0.50 д.; Анатолий 0.25 д. С. Назарчук 2 д. Р. Белезкий 0.50 д.; Николай Шелда 2 д. И. Бушук 0.50 д. Итого 8.50 дол.

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ N 10 в пользу журн. Дела Труда Д. Лычек 10 дол.; Ф. Д-ка 5 д.; Е. Козлов 5 д.; П. Самец 2 д.; И. Асименка 1 д.; Н. Смолов 1 д.; М. Быков 1 д.; М. Полущев 1 д. А. Деньзик 1 дол. М. Деньзик 1 д.; А. Баньковский 1 д.; А. Баньковская 1 д.; М. Ротаричук 1 дол. Ф. Баснюк 0.25 д.; С. Роткевич 0.25 д.; О. Баран 0.25 д.; Н. Симончук 0.25 д. Всего 32 дол.

ОТЧЕТ Детройтского Об-ва Помощи Полит. Закл. и ссыльным в СССР в средствах, полученных от розыгрыша радио в пользу полит. закл. и ссыльных.

Всего было продано билетов на сумму 442 дол. Выигрыш пал на билет N502-А. Товарищ, коему достался выигрыш (100 дол. или радио) письменно известил Об-во Помощи, что выигранную им сумму в 100 дол. он предоставляет в распоряжение Общества с тем, чтобы оно распорядилось ею по своему усмотрению. На этом основании Об-во Помощи, приняв во внимание острую материальную нужду журнала русских анархистов коммунистов *Дело Труда*, выделил из 100 дол. 80 д. в пользу *Дела Труда*; 20 дол. пошли на покрытие расходов по разыгрыщу радио. Чистая же прибыль от розыгрыша радио в сумме 342 дол. была отослана в группу Русских Анархистов Заграницей для пересылки заключенным и ссыльным в Сов. России анархистам.

Об-во Помощи полит. закл. и ссыльным в Сов. России, г. Детройта, приносит глубокую товарищескую благодарность всем организациям и отдельным товарищам, принимавшим участие в распространении розыгрышных билетов, а также товарищу, который пожертвовал в пользу Об-ва 100 дол.

ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ

Общества Помощи Политзаключенным и ссыльным в Сов. России, г. Детройт и Детройтской Группы Анар. Коммунистов от 15 окт. 1926 г. по 1 февраля 1928 г.

Приход

Общая сумма прихода 978.31 дол.

Расход

Высланно через Парижский Комитет при Группе Русских Анархистов Заграницей, в пользу политических заключенных и ссыльных в Сов. России — 650.45 дол.

В пользу Дело Труда — 148.25 дол.

В Монтреальскую группу на выписку т. из Европы 10. дол.—

В фонд Федерации А.-К. Северной Америки — 10 дол.

В пользу газ. The Road to Freedom — 2 дол.

Расход по пересылке денег в Париж и другие почтовые расходы, а также расход по лекции тов. Маркуса и тов. Бондаренко и по устройству вечера памяти П. Кропоткина — 157.26 дол.

Итого расхода — 977.96 дол.

Остается в кассе организации на 1 февраля 1928 г. 35 сен.

Gérant: L. LORÉAL Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange. Paris